

ГЛАВА I

ГЛЕНСКИЕ «ЗАМЕТКИ» И ПРОЧИЕ НОВОСТИ

В один из теплых, приятных дней, радующих взор золотистыми облаками, Сюзан Бейкер с мрачным удовлетворением, которым так и веяло от всей ее фигуры, опустилась в кресло в большой гостиной Инглсайда. Было уже четыре часа пополудни, и Сюзан, трудившаяся без перерыва с шести утра, чувствовала, что честно заработала час отдыха и может провести его за приятной беседой. В эту минуту Сюзан была совершенно счастлива; все шло до невероятности хорошо и благополучно в ее кухне в тот день. Доктор Джекилл не был Мистером Хайдом¹ и потому не действовал ей на нервы; а из кресла, в котором она сидела, ей было видно предмет ее особой гордости — пионы, которые она сама посадила и за которыми заботливо ухаживала. Так, как цвели эти пионы — темно-красные, серебристо-розовые и снежно-белые, — не цвели и не могли цвести пионы ни на одной другой клумбе во всем Глене св. Марии.

На Сюзан была новая черная шелковая блузка, не уступавшая по сложности покроя ни одному из нарядов миссис Эллиот, а также белый крахмальный передник,

---

¹ В повести английского писателя Роберта Льюиса Стивенсона (1850–1894) «Странная история доктора Джекилла и мистера Хайда» (1886) рассказывается об ученом, который сумел отделить в своей личности дурное начало от хорошего настолько, что превратился фактически в двух разных людей — добродетельного доктора Джекилла и порочного мистера Хайда, — живущих в одном теле.

обшитый замысловатым, ручной работы кружевом, добрых пять дюймов шириной, не говоря уже о гармонирующих с ним кружевных вставках. А посему приятное сознание того, что ее можно считать хорошо одетой женщиной, грело душу Сюзан, когда она раскрыла новый номер «Дейли Энтерпрайз» и приготовилась прочесть гленские «Заметки», которые, как только что сообщила ей мисс Корнелия, занимали половину колонки и в которых упоминались почти все обитатели Инглсайда. Крупный черный заголовок на первой странице «Энтерпрайз» извещал, что какой-то эрцгерцог Фердинанд убит в месте с чудным названием Сараево¹, но Сюзан не задержалась на этом неинтересном, несущественном сообщении; она искала чего-нибудь по-настоящему важного. Ага, вот оно... «Новости Глена св. Марии». И Сюзан увлеченно приступила к чтению, произнося вслух каждую фразу, чтобы получить от нее как можно больше удовольствия.

Миссис Блайт и ее гостя, мисс Корнелия — или миссис Эллиот, — оживленно беседовали, сидя возле вешалки на крыльце открытой двери, через которую восхитительный прохладный ветерок приносил в гостиную обольстительные ароматы сада и чарующее веселое эхо из уютного, увитого плющом уголка, где разговаривали и смеялись Рилла, мисс Оливер и Уолтер. Где бы ни появлялась Рилла Блайт, там всегда звучал смех.

Также в гостиной присутствовал — лежал, свернувшись клубочком на кушетке — еще один обитатель Инглсайда, и его никак нельзя обойти вниманием, поскольку он обладал исключительно яркой индивидуальностью,

---

¹ В результате покушения в Сараево 6 июня 1914 г. были убиты австрийский престолонаследник эрцгерцог Фердинанд и его супруга. Это убийство, ставшее поводом к началу Первой мировой войны, совершил восемнадцатилетний студент Гаврила Принцип, сторонник сербских националистов, выступавших за отделение Боснии от Австро-Венгерской империи и включение ее в состав так называемой «великой Сербии».

а сверх того, имел честь быть единственным живым существом, которого Сюзан по-настоящему ненавидела.

Все кошки загадочны, но этот кот, носивший имя Доктор Джекилл и Мистер Хайд — а для краткости Док, — был тройне загадочен. Он обладал двойной личностью... или, как уверяла Сюзан, был одержим дьяволом. Начать с того, что в самом его появлении на свет было нечто сверхъестественное. За четыре года до этого Рилла получила в подарок премиленького, белого, как снег, с кокетливым черным пятнышком на кончике хвоста, котеночка, которого назвала Снежком и о котором нежно заботилась. Сюзан невзлюбила его с первого дня, хотя не могла или не желала привести никакого разумного обоснования своей неприязни.

— Помяните мое слово, миссис докторша, дорогая, — обычно предрекала она зловещим тоном, — этот кот плохо кончит.

— Но почему вы так думаете? — спрашивала миссис Блайт.

— Я не *думаю*... я *знаю*, — вот весь ответ, которым достаивала ее Сюзан.

Все остальные в Инглсайде считали Снежка своим любимцем; он всегда был таким чистеньким и ухоженным, на его великолепном белом костюме никогда не видели ни одного пятнышка; он так очаровательно мурлыкал и уютно сворачивался клубочком; он был неизменно и безупречно честен.

А затем в Инглсайде произошла домашняя трагедия: у Снежка родились котята!

Невозможно даже описать торжество Сюзан. Разве не уверяла она с самого начала, что этот кот окажется иллюзией и западней? *Теперь* они сами могут в этом убедиться!

Рилла оставила себе одного из котят, очень красивого, с необычно гладкой блестящей шерсткой, темно-желтой с оранжевыми полосками, и большими, атласными золо-

тистыми ушками. Она назвала его Золотце; имя казалось вполне подходящим для маленького игривого существа, которое, пока оставалось котенком, не проявляло никаких признаков своей дурной натуры. Сюзан, разумеется, предупреждала всю семью, что ничего хорошего нельзя ожидать от отпрысков Снежка, этого исчадия ада; но ее пророчества, подобно пророчествам Кассандры¹, были оставлены без внимания.

Блайты так привыкли считать Снежка существом мужского пола, что продолжали употреблять местоимение «он», хотя звучало это нелепо. Посетители обычно вздрагивали, когда Рилла вскользь упоминала «котят, родившихся у нашего Снежка», или строго говорила Золотцу: «Отправляйся к своей матери, чтобы он вылизал тебе шерстку».

— Это *неприлично*, миссис докторша, дорогая, — с горечью говорила бедная Сюзан. Сама она выходила из положения, называя Снежка не иначе как «животное» или «белая зверюга», и одна душа уж точно не болела, когда «животное» случайно насмерть отравилось чем-то в следующую зиму.

Через год стало очевидно, что имя Золотце совершенно не подходит оранжевому котенку, и Уолтер, читавший в то время повести Стивенсона, заменил его более длинным, но точным: Доктор Джекилл и Мистер Хайд. Пребывая в расположении духа Доктора Джекилла, кот оставался ленивым, ласковым, домашним, любил мягкие подушки и был счастлив, если за ним ухаживали, его поглаживали, с ним нежничали. Особенно любил он лежать на спинке и мурлыкать в сонном удовлетворении, пока кто-нибудь почесывал его лоснящуюся, кремового цвета шейку. Он был замечательным мурлыкой — еще никогда

---

¹ К а с с а н д р а — дочь троянского царя Приама (в поэме Гомера «Илиада»), жрица, чьим предсказаниям, впоследствии сбывшимся, никто не верил.

в Инглсайде не было кота, который мурлыкал бы так постоянно и так самозабвенно.

— Единственное, что вызывает у меня зависть к кошкам, — это их мурлыканье, — заметил однажды доктор Блайт, слушая звучную мелодию, выводимую Доком. — Нет в мире другого звука, который выражал бы более глубокое удовлетворение.

Док был очень красив; каждое его движение было сама грация; его позы отличались величием. Когда он, обернувшись длинным полосатым хвостом, усаживался на крыльце и подолгу, не мигая, смотрел в пространство, Блайты чувствовали, что даже египетский сфинкс не мог быть более подходящим божеством-хранителем дома.

Когда же на него находило расположение духа Мистера Хайда — что неизменно случалось перед тем, как начинались дожди или поднимался сильный ветер, — он становился диким существом с горящими глазами. Превращение всегда происходило внезапно. Он выходил из задумчивости со свирепым рычанием, бешено взвываясь с места и впиваясь зубами в любую руку, если она пыталась остановить или приласкать его. Его мех, казалось, темнел, а глаза светились дьявольским пламенем. В такие минуты его красота была поистине сверхъестественной. Если это превращение случалось в сумерки, все в Инглсайде испытывали нечто вроде ужаса перед котом. В такие моменты он был страшным зверем, и одна только Рилла защищала его, уверяя, что он «такой славный, рыщущий котик-охотник». И он действительно «рыскал».

Доктор Джекилл любил парное молоко; Мистер Хайд презирал молоко и свирепо рычал, пожирая мясо. Доктор Джекилл спускался по лестнице так тихо, что его никто не слышал. Мистер Хайд передвигался тяжелой поступью, звучавшей, как мужские шаги. Несколько раз, когда Сюзан вечером была одна в доме, он, по ее уверениям, «напугал ее до смерти», топая таким образом по

лестнице. Он мог целый час неподвижно просидеть на полу посреди кухни, не сводя своих ужасных немигающих глаз с бедной Сюзан. Это самым пагубным образом действовало ей на нервы, но благоговейный страх, который она испытывала перед Мистером Хайдом, не позволял ей сделать даже робкую попытку его прогнать. Лишь однажды она решилась бросить в него щепкой, но он тут же с яростью прыгнул к ней. Сюзан вылетела за дверь и больше никогда не связывалась с Мистером Хайдом — хотя потом карала за его злодеяния невинного Доктора Джекилла, выгоняя беднягу из своих владений, едва лишь он осмеливался сунуть туда нос, и лишая его лакомств, о которых он мечтал.

— «Две недели назад мисс Фейт Мередит, а также Джеральд Мередит и Джеймс Блайт, — продолжала читать Сюзан, произнося эти имена так, словно они были сладкими кусочками, которые стоило подольше подержать на языке, — возвратились из Редмондского университета домой, где их с радостью приветствовали многочисленные друзья. Джеймс Блайт, получивший год назад степень бакалавра гуманитарных наук, только что окончил первый курс медицинского факультета».

— Девушки красивее Фейт Мередит я еще не видела, — заметила мисс Корнелия, не отрываясь от работы над филейным кружевом. — Удивительно, как расцвели все дети священника, с тех пор как Розмари Уэст поселилась в их доме. Никто уже не вспоминает, какими проказниками прежде были эти четверо. А вы, Аня, душенька, сможете когда-нибудь забыть, что они вытворяли? Просто поразительно, до чего хорошие отношения сложились у них с Розмари. Она им скорее подруга, чем мачеха. Все они ее очень любят, а Уна прямо-таки преклоняется перед ней. Что же до маленького Брюса, то Уна добровольно отдалась ему в рабство. Хотя он, конечно, очарователен. Но вы когда-нибудь видели, чтобы ребенок был так похож на свою тетушку, как Брюс похож

на Элен? Он точно такой же смуглый и точно такой же решительный, как она. Я не вижу в нем ни одной черты Розмари. Норман Дуглас громогласно уверяет всех, что Брюс предназначался ему и Элен, но аист по ошибке принес младенца в дом священника.

— Брюс обожает Джема, — заметила миссис Блайт. — Всякий раз, приходя к нам в гости, он повсюду следует за Джемом, словно верная маленькая собачонка, и с восторгом смотрит на него снизу вверх из-под своих густых черных бровей. Ради Джема он готов на что угодно — я в этом уверена.

— Джем и Фейт, похоже, собираются пожениться?

Миссис Блайт улыбнулась. Все хорошо знали, что мисс Корнелия, некогда закоренелая мужененавистница, под старость увлеклась таким интересным занятием, как сватовство.

— Пока, мисс Корнелия, они просто добрые друзья.

— *Исключительно* добрые, поверьте *мне*, — выразительно кивнула мисс Корнелия. — Мне все известно о делах нашей молодежи.

— У меня нет сомнений в том, что Мэри Ванс старается, чтобы вы не оставались в неведении, миссис Эллиот, — сказала Сюзан подчеркнуто, — но, на *мой* взгляд, просто возмутительно говорить, будто *дети* собираются пожениться.

— Дети! Джему двадцать один, а Фейт девятнадцать, — возразила мисс Корнелия. — Не следует забывать, Сюзан, что мы, пожилые люди, не единственные совершеннолетние на свете.

Возмущенная Сюзан, которая терпеть не могла никаких намеков на свой возраст — не из тщеславия, но от навязчивого страха, как бы окружающие не подумали, будто она уже слишком стара, чтобы работать, — вернулась к чтению газетных заметок.

— «В прошлую пятницу домой из Королевской учительской семинарии возвратились Карл Мередит и

Ширли Блайт. Как нам стало известно, Карл получил должность школьного учителя в Харбор-Хед, и мы не сомневаемся, что он будет любим всеми учениками и добьется больших успехов в преподавательской работе».

— Ну уж, всему, что связано с жуками и пауками, он детей наверняка обучит, — улыбнулась мисс Корнелия. — Мистер Мередит и Розмари хотели, чтобы он после окончания семинарии сразу поступил в Редмонд, но Карл очень независим по характеру и хочет, хотя бы частично, сам заработать на свое университетское образование. Что ж, это пойдет ему на пользу.

— «Уолтер Блайт, который последние два года преподавал в лоубриджской школе, подал заявление об уходе, — продолжала читать Сюзан, — и намерен этой осенью начать учебу в Редмондском университете».

— Достаточно ли Уолтер окреп после болезни, чтобы отправиться в Редмонд? — озабоченно спросила мисс Корнелия.

— Мы надеемся, что к осени он будет совершенно здоров, — сказала миссис Блайт. — Летний отдых на свежем воздухе поможет ему оправиться.

— Нелегко оправиться после тифа, — выразительно заметила мисс Корнелия, — особенно когда лишь чудом удалось избежать самого страшного исхода, как это было с Уолтером. Думаю, ему было бы лучше отложить поступление в университет еще на один год. Но, с другой стороны, он такой целеустремленный. А Ди и Нэн тоже едут в университет?

— Да. Обе хотели еще год преподавать в школе, но Гилберт считает, что им лучше отправиться в Редмонд уже этой осенью.

— Я очень рада. Они будут приглядывать там за Уолтером, чтобы он не слишком утомлял себя учебой. Я полагаю, — продолжила мисс Корнелия, искоса бросив взгляд на Сюзан, — что, после того как меня несколько минут назад осадили, будет не совсем безопасным выска-

зять предположение, что Джерри Мередит заглядывается на Нэн.

Сюзан проигнорировала это заявление, а миссис Блайт снова засмеялась.

— Дорогая мисс Корнелия, вы сами видите: у меня здесь хлопот полон рот со всеми этими мальчиками и девочками, которые заглядываются друг на друга. Если бы я принимала происходящее близко к сердцу, оно этого не вынесло бы. Но я не смотрю серьезно на их отношения... мне еще слишком трудно осознать, что они стали взрослыми. Глядя на моих двух высоких сыновей, я удивляюсь, неужели они могли быть пухленькими, очаровательными младенцами, которых я целовала, ласкала, которым пела колыбельные... еще вчера... еще только вчера, мисс Корнелия. Разве не был Джем прелестнейшим младенцем в нашем старом Доме Мечты? А *теперь* он бакалавр гуманитарных наук и обвиняется в ухаживании за девушкой.

— Все мы стареем, — вздохнула мисс Корнелия.

— Единственное во мне, что *ощущает* признаки старости, — призналась миссис Блайт, — это лодыжка, которую я сломала, когда еще жила в Зеленых Мезонинах и Джози Пай вызвала меня пройти по коньку крыши дома Барри. Лодыжка у меня обычно побаливает, когда дует восточный ветер. Я не соглашусь признать, что это ревматизм, но она *болит* — это правда. Что же до детей, то они вместе с Мередитами собираются отлично провести лето, прежде чем вернуться осенью к упорной учебе. Это такая дружная, веселая компания. Когда они здесь, мы живем в непрерывном вихре забав и развлечений.

— Теперь, когда Ширли закончил учительскую семинарию, туда отправится Рилла?

— Этот вопрос еще не решен. По мнению Гилберта, напряженная учеба вдали от дома ей не по силам... она слишком быстро вытянулась, но еще недостаточно окрепла... рост у нее нелепо большой для девочки, ко-

торой не исполнилось и пятнадцати. Да и я сама не спешу с ней расстаться... право же, было бы ужасно, если бы в следующую зиму ни один из моих детей уже не жил со мной дома. Мы с Сюзан начали бы ссориться друг с другом только для того, чтобы нарушить однообразие нашего унылого существования.

Шутка вызывала улыбку у Сюзан. Что за мысль! Ссориться с ее дорогой «миссис докторшей»!

— А сама Рилла хочет продолжить учебу? — поинтересовалась мисс Корнелия.

— Нет. По правде говоря, Рилла — единственная из моего выводка — не отличается честолюбием. Я, право, даже хотела бы, чтобы у нее было чуть больше амбиций. У нее нет никаких серьезных жизненных идеалов... Все, к чему она, как кажется, стремится, — это весело проводить время.

— А почему бы ей и не проводить его весело, миссис докторша, дорогая? — воскликнула Сюзан, которая не могла вынести ни одного слова осуждения в адрес кого-либо из обитателей Инглсайда — даже от одного из «своих». — Молоденькая девушка *должна* весело проводить время — на этом я стою и стоять буду. У нее еще найдется время, чтобы подумать о латыни и греческом.

— Мне хотелось бы видеть ее хоть *немного* более ответственной, Сюзан. И, как вы сами знаете, она отвратительно самодовольна.

— У нее есть основания быть довольной собой, — возразила Сюзан. — Она самая хорошенькая девушка в Глене св. Марии. Вы думаете, что все эти Макаллистеры, Крофорды и Эллиоты с той стороны гавани смогут отыскать в четырех поколениях хоть одну девушку с таким цветом лица, как у Риллы? Не смогут! Нет, миссис докторша, дорогая, я знаю свое место, но не могу позволить вам пренебрежительно отзываться о Рилле... А послушайте-ка вот это, миссис Эллиот.

Сюзан представился удобный случай рассчитывать с мисс Корнелией за намеки на любовные истории инглсайдской «детворы». Она с большим удовольствием прочла следующую заметку:

— «Миллер Дуглас отказался от намерения переехать на Запад. По его словам, добрый старый остров Принца Эдуарда вполне устраивает его, а потому он продолжит трудиться на ферме своей тети, миссис Дейвис, вдовы Алека Дейвиса».

Сюзан бросила пристальный взгляд на мисс Корнелию.

— Я слышала, миссис Эллиот, что Миллер ухаживает за Мэри Ванс.

Выстрел пробил броню невозмутимости мисс Корнелии. Ее добродушное лицо вспыхнуло.

— Я не позволю Миллеру Дугласу крутиться возле Мэри, — сухо отрезала она. — Он из плохой семьи. Сами Дугласы не желали общаться с его отцом, а его мать была из этих ужасных Диллонов с той стороны гавани.

— Насколько мне известно, миссис Эллиот, родители самой Мэри Ванс не принадлежали к тем, кого можно назвать аристократией.

— Мэри Ванс получила прекрасное воспитание, и она толковая, сообразительная, умелая девушка, — возразила мисс Корнелия. — Она может найти себе более достойную пару, чем Миллер Дуглас, поверьте *мне!* Ей известно, что *я* об этом думаю, а Мэри еще никогда меня не ослушалась.

— Ну, думаю, вам не о чем беспокоиться, миссис Эллиот, поскольку вдова Алека Дейвиса так же решительно настроена против этого брака, как и вы. Она говорит, что ни один из ее племянников никогда не женится на безродной девушке вроде Мэри Ванс.

Чувствуя, что одержала победу в обмене колкостями, Сюзан «вернулась к своим баранам» и прочла еще одну заметку.